

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУППАХ ЧУВАШЕЙ
ABOUT THE ETHNOGRAPHIC GROUPS OF THE CHUVASH
ЧӐВАШ ЭТНОГРАФИ УШКӐНӐСЕМ ӐИНЧЕН

Рец. на научный доклад: Матвеев Г. Б. Подгруппы в составе этнографических групп чувашей: формирование и картографирование / науч. ред. Д. В. Егоров. — Чебоксары: ЧГИГН, 2025. — 68 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 39).

А. П. Долгова,
старший научный сотрудник ЧГИГН,
кандидат филологических наук,
г. Чебоксары, Россия
ORCID: 0009-0006-8445-7877, enzenz@yandex.ru

The review on the scientific report: Matveev G. B. The subgroups within ethnographic groups of the Chuvash: formation and areal coverage / scientific ed. D. V. Egorov. — Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2025. — 68 p. (Scientific reports; Vol. 39).

A. P. Dolgova,
senior researcher at the Chuvash State Institute of Humanities,
candidate of Philological Sciences,
Cheboksary, Russia
ORCID: 0009-0006-8445-7877, enzenz@yandex.ru

ӐслӐлӐх докладӐ: рец.: Матвеев Г. Б. ЧӐваш этнографи ушкӐнӐсен йышӐнчи Ӑум ушкӐнсем: йӐркеленӐ тата картографилени / ӐслӐлӐх ред. Д. В. Егоров. — Шупашкар: ЧПГАИ, 2025. — 68 с. (ӐслӐлӐх докладӐсем / ЧПГАИ; 39-мӐш кӐларӐм).

А. П. Долгова,
ЧПГАИ ӐслӐлӐх аслӐ ӐӐтешӐ,
филологи ӐслӐлӐхӐсен кандидаӐӐ,
Шупашкар хули, РаӐӐей
ORCID: 0009-0006-8445-7877, enzenz@yandex.ru

© Долгова А. П., 2025

Тема разделения чувашского народа по этнографическим группам представляет интерес для специалистов многих гуманитарных наук — этнологов, лингвистов, историков, искусствоведов и т. д. Рассмотрение проблем такой классификации с привлечением языковых, хозяйственно-бытовых, религиозно-обрядовых, исторических, географических и др. параметров в совокупности дает возможность для более корректного определения границ расселения тех или иных групп. В качестве цели своего научного доклада Г. Б. Матвеев выбрал «многоаспектное исследование проблемы формирования подгрупп в составе этнографических групп чувашей» (с. 4) на основе районирования характерных признаков диалектов чувашского языка и их составных частей (говоров), локализации особенностей традиционного костюма и свадебного обрядового комплекса.

Автор отмечает, что учет, наряду с этнокультурными факторами, языковых особенностей части народа, проживающей на какой-либо конкретной территории, способствует более точному определению основных критериев выделения этнографических групп и подгрупп. При этом он вполне справедливо подчеркивает относительную самостоятельность этнокультурных и языковых процессов. Действительно, границы распространения языковых явлений, специфических черт обрядовой системы, особенностей музыкального фольклора и традиционного костюма, элементов материальной культуры зачастую не совпадают. Наличие сходств и различий в географическом распределении лингвистических, музыкальных и сугубо этнографических особенностей территориальных групп чувашей

приводит к выводу о необходимости выработки принципов районирования этнографических групп и подгрупп с опорой на комплексный подход к особенностям традиционной культуры, включая черты языка. Ниже остановимся на суждениях и оценках Г. Б. Матвеева лингвистических аспектов указанной проблемы.

Современная чувашская диалектологическая наука находится на переломном моменте. Представители нынешнего поколения языковедов, обращающихся к проблематике диалектов чувашского языка на основной территории расселения чувашского народа, раз за разом отмечают необходимость более детализированного анализа особенностей местных говоров в пределах Чувашской Республики и прилегающих к ней с востока и юга районов Татарстана и Ульяновской области. Круг нерешенных вопросов широк: от отсутствия единой (принимаемой всеми хотя бы в целом) теории происхождения и истории развития диалектов до необходимости более точного разграничения территорий современного распространения диалектов и говоров. Даже на вопрос: «Сколько же диалектов чувашского языка — два, три или четыре?» — нет безоговорочно принимаемого всеми языковедами ответа. Стоит отметить и такой момент: как и в диалектологической характеристике любого другого языка, строгое определение границ между говорами чувашского языка, учитывающее все признаки всех уровней языка (фонетики, лексики, грамматик), невозможно. Нередко бывает так: одни особенности позволяют отнести говор к одному из диалектов, другие — к другому. Разнонаправленность изоглосс характеризует обычно так называемые зоны вибрации (или переходные зоны).

Н. И. Егоров, исследователь глоттохронологических проблем чувашского языка, говорит о трех диалектах — среднем (*мал ен диалекчӗ*, т. е. восточный), верховом (*вирьял*, или *тури*) и низовом (*анатри*). Он утверждает, что и по времени процесс формирования диалектов происходил именно в таком порядке. Современные верховой и низовой диалекты, по его мнению, сложились на основе единого среднего диалекта в сравнительно поздние периоды в результате ассимиляции марийского субстрата (верховой диалект) и интенсивных контактов с татарами-мишарями (низовой диалект). В опубликованном виде эта идея в его формулировке впервые появилась в середине 1980-х гг., с тех пор чувашские языковеды постепенно практически все перешли на эту позицию.

Однако у Н. И. Егорова в этом вопросе были предшественники — Н. И. Золотницкий и Т. М. Матвеев. Н. И. Золотницкий утверждал, что среднее чебоксарско-циви́льское наречие отличается чистотой — как бы сегодня сказали — и звукового строя, и лексического состава. Но долгое время традиционная чувашская диалектология различала два диалекта (*тури*, или *вирьял*, и *анатри*) и переходный говор (переходные говоры, смешанный говор) — промежуточную полосу, образовавшуюся на границе двух диалектов как результат их смешения. Данная традиция идет с публикаций С. М. Михайлова, такой же точки зрения придерживался В. К. Магницкий. На существование двух главных наречий чувашского языка в предисловии букваря от 1872 г. указал и И. Я. Яковлев. Такая позиция основывается прежде всего на народных представлениях о степени «инаковости» языка жителей соседних регионов в сравнении со своим (принцип «свой — чужой»). Из этого представления складывалась и дихотомия «*тури* — *анатри*»: житель той или иной территории оценивает другой территориальный идиом в зависимости от представлений о говоре своего селения и отличий в говоре соседей. Так, если человек считал себя носителем наречия *тури*, то язык живущих южнее (восточнее или юго-восточнее) для него это, как правило, диалект *анатри*. И наоборот, если он воспринимал себя как типичного *анатри*, то все отличающиеся от него чувашские, локализованные севернее (западнее или северо-западнее), — *тури* (*вирьял*).

Н. И. Ашмарин в начале своего исследовательского пути писал о распадении чувашского языка на две главные ветви, при этом признавал смешанные говоры, сложившиеся, на его взгляд, в процессе перемешивания признаков двух наречий. Впоследствии он излагает несколько иную трактовку, признавая, что у него определенности в том, сколько надо считать чувашских наречий, нет: *вирьял* и *анатри* или *вирьял*, *хирти* и *анатри* (в таком случае последнее наречие «составляет как бы переходную ступень от *вирьял* к *хирти*»). Деление локальных чувашских говоров на три группы отразилось в статье Т. М. Матвеева, посвященной районированию чувашских говоров, опубликованной в 1930 г. Однако в науке ос-

новным стал подход, признающий два диалекта чувашского языка, что можно проследить в работах В. Г. Егорова, Р. И. Цаплиной, А. С. Канюковой и др. Этой точки зрения придерживался и Л. П. Сергеев, который в течение нескольких десятилетий проделал огромную работу по сбору и систематизации диалектного материала и выступил автором практически всех главных научных разработок, вышедших в свет с 1960-х по 2010-е гг. Ситуация постепенно начинает меняться с появлением названной выше публикации Н. И. Егорова.

В рецензируемом научном докладе в разных его частях превалирует то одна из этих позиций, то другая. Отношение самого автора на диалектное членение чувашского языка однозначно определить затруднительно.

Научный доклад Г. Б. Матвеева получился очень большим, он содержит громадный фактический материал, дать который в систематизированном виде при имеющихся требованиях к ограниченному объему очень сложно или даже невозможно. В отдельных местах складывается ощущение нелогичности в изложении материала, местами заметны противоречия. Из моментов, касающихся языковых особенностей, таким образом изложен вопрос о месте языка чувашей *анат енчи*: он рассматривается то как первичный по отношению к двум другим диалектам, то как вторичный — как результат смешения черт наречий верховых и низовых на пограничной территории. Так, в заключении делается следующий вывод: «Языковеды констатируют, что *на стыке двух диалектных систем* в ходе исторического развития *образовались смешанные говоры* (здесь и далее курсив наш. — А. Д.)» (с. 49). В следующем абзаце читаем: «*Средненизовые чуваш*, генетически связанные с ЭГ верховых и низовых, по отношению к ним *выступают первичной*» (там же). К тому же в основной части доклада не представлен подраздел «Средний диалект» с его описанием (с. 34 — 35).

На наш взгляд, в докладе не хватает четкой позиции и в употреблении терминологии, имеющей отношение как к чувашской диалектологии, так и к языкознанию в целом. Возможно, такую иллюзию создает недостаточно критичное цитирование работ авторов, придерживающихся разных позиций. Так, у разных авторов один и тот же территориальный идиом носит наименования *смешанный говор*, *переходный говор*, *средний диалект* и т. п. Хотя справедливости ради следует отметить, что в ряде случаев Г. Б. Матвеев комментирует использование терминов языковедами, например: «Она (А. С. Канюкова. — А. Д.) не употребляла термин “средний диалект”». Но в данном случае корректнее было бы указать, что А. С. Канюкова не просто не употребляла этого термина, она не признавала наличие отдельного среднего диалекта как факта, территорию его распространения считала зоной говоров со смешанными чертами двух других диалектов.

Большой интерес у исследователей территориального распределения особенностей чувашского языка вызывают вопросы картографирования различных параметров этнокультуры, в том числе с локализацией этнографических элементов, имеющих отношение к различным группам чувашей. Хочется отметить, что составленная самим автором карта «Подгруппы этнографических групп чувашей», на которой указаны и зоны «переходных» подгрупп (юго-восточной подгруппы верховых чувашей и северной подгруппы низовых чувашей) во многом совпадает с нашими представлениями о районировании диалектов и говоров чувашского языка, сложившимися на основе знакомств с работами Н. И. Золотницкого, Н. И. Ашмарина, Г. И. Комиссарова, Т. М. Матвеева, Л. П. Сергеева, Н. И. Егорова, В. Г. Родионова, А. Д. Ахвандеровой, А. В. Кузнецова и материалами диалектологических экспедиций. Если, конечно же, не обращать внимания на досадную опечатку в нумерации подгрупп верховых чувашей.

В целом научный доклад является сложным по своей структуре и подаче материала исследованием, требующим вдумчивого чтения. В нем представлены не только анализ сделанной большим числом этнологов и языковедов работы на протяжении нескольких столетий, дополнения и уточнения по поводу географии распространения и времени формирования тех или иных явлений, но и выявлен ряд не решенных на сегодняшний день проблем. Перед языковедами Г. Б. Матвеев ставит задачу — изучить диалектологию чувашского языка более детально, уточнив в первую очередь географию распространения языковых особенностей диалектов и говоров на основной территории расселения чувашей.

шей. Хочется от имени языковедов искренне поблагодарить автора за такой большой и интересный труд.

Статья поступила в редакцию 02.02.2025, принята к публикации 09.02.2025;
the article was submitted 02.02.2025, accepted for publication 09.02.2025;
статья редакции 02.02.2025 ситнӗ, пичетлеме 09.02.2025 йышӑнӑ

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал сыравӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ тата ырланӑ

* * *

Рец. на научный доклад: Матвеев Г. Б. Подгруппы в составе этнографических групп чувашей: формирование и картографирование / науч. ред. Д. В. Егоров. — Чебоксары: ЧГИГН, 2025. — 68 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 39).

И. Г. Петров,

ведущий научный сотрудник

Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН,

кандидат исторических наук,

г. Уфа, Россия

ORCID: 0000-0001-8664-3004, ipetrov62@yandex.ru

The review on the scientific report: Matveev G. B. The subgroups within ethnographic groups of the Chuvash: formation and areal coverage / scientific ed. D. V. Egorov. — Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2025. — 68 p. (Scientific reports; Vol. 39).

I. G. Petrov,

leading researcher of the Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev,

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,

candidate of Historical Sciences,

Ufa, Russia

ORCID: 0000-0001-8664-3004, ipetrov62@yandex.ru

Ӑслӑлӑх докладӑ: рец.: Матвеев Г. Б. Чӑваш этнографи ушкӑнӑсен йышӑнчи сӑм ушкӑнсем: йӑркеленӗ тата картографиленӗ / ӑслӑлӑх ред. Д. В. Егоров. — Шупашкар: ЧПГАИ, 2025. — 68 с. (Ӑслӑлӑх докладӑсем / ЧПГАИ; 39-мӑш кӑларӑм).

И. Г. Петров,

Раçсей ӑслӑлӑхсен академийӑн Урал федераци тӑпчев центрӑн

Р. Г. Кузеев ячӑллӑ Этнологи тӑпчевӑсен институчӑн ӑслӑлӑх ертӗҫӑ ӗҫтешӑ,

истори ӑслӑлӑхсен кандидачӑ,

Ӑпху хули, Раçсей

ORCID: 0000-0001-8664-3004, ipetrov62@yandex.ru

© Петров И. Г., 2025

Научный доклад Г. Б. Матвеева на тему «Подгруппы в составе этнографических групп чувашей: формирование и картографирование» посвящен важной теме в этнологии — этнической таксономии, то есть изучению иерархии различных по происхождению подразделений внутри этноса и их этнокультурной дифференциации.

Цель исследования — проанализировать формирование подгрупп внутри этнографических групп чувашей, а также исследовать их языковые и этнокультурные особенности. Автор справедливо отмечает, что «задача более детального обоснования культурно-языковых ареалов на уровне подгрупп в составе этнографических групп чувашей <...> остается актуальной». Это действительно так, поскольку этнос представляет собой неоднородную и сложную структуру, которая постоянно меняется в пространстве и времени. Эта изменчивость является неотъемлемой частью этноса на всех этапах его существования. Поэтому в контексте этнологии изучение этнокультурного многообразия чувашского народа на уровне подгрупп представляет как научный, так и практический интерес.

Чтобы выполнить поставленную задачу, Г. Б. Матвеев использовал разнообразные источники. Он обратился к сведениям об истории расселения чувашей в разные периоды их этнической истории, статистическим данным, результатам археологических и этнографических исследований, материалам о чувашском языке, картографии с районированием этнографических групп и подгрупп, диалектологическим картам чувашских говоров. Кроме того, он изучил материалы полевых исследований традиционной культуры, в частности костюма, календарной и свадебной обрядности. Г. Б. Матвеев также использовал электронные ресурсы — несколько сотен фотографий участников чувашских фольклорных коллективов, представляющих современные 10 подгрупп чувашского народа.

Структура исследования отличается своей лаконичностью и в то же время глубиной содержания. В первой главе «Этнографические группы чувашей: проблемы дифференциации» автор представил два параграфа. В первом из них он провел историографический обзор научной литературы по данной теме, а во втором проанализировал накопленный опыт чувашских ученых по составлению карт этнографических групп и подгрупп на территории современной Чувашской Республики.

Несмотря на сжатость изложения, историографический раздел рецензируемого исследования написан с большой тщательностью. Автор не только проанализировал основные труды по чувашской этнографии, но и обобщил работы представителей других наук, особенно чувашских языковедов. Особо ценным представляется второй параграф «Картографирование подгрупп». В нем автор, опираясь на уже имеющиеся исследования, подвел итоги работы ученых по составлению карт и картосхем, отражающих подгруппы в рамках этнографических групп чувашей. Некоторые результаты этой работы в виде карт и картосхем можно найти в приложении к исследованию.

Во второй главе, озаглавленной «Формирование территории расселения подгрупп», автор исследует процесс расселения чувашских подгрупп на обширном пространстве, охватывающем период с XIV по XIX в. Этот процесс им рассматривается в контексте границ расселения средненизовой, низовой и верховой этнографических групп. Для глубокого понимания данной темы Г. Б. Матвееву пришлось тщательно изучить всю имеющуюся научную литературу, посвященную расселению чувашей, начиная с XIV — XV вв. В результате этого автор пришел к выводу, что такие подразделения этноса возникли не только в результате масштабных переселений булгаро-чувашей и чувашей на территорию Чувашского Поволжья, но и в результате длительных контактов как между этнографическими группами, так и с другими народами края.

Третья глава «Формирование особенностей говоров и компонентов традиционной культуры подгрупп» является одновременно продолжением и завершением рецензируемого исследования. В ней автор рассматривает данную проблему на примере формирования говоров (параграф 1), костюмных комплексов (параграф 2) и свадебной обрядности (параграф 3).

Включение этой главы в содержание исследования вполне закономерно и оправдано, так как автор не ограничивается общими рассуждениями о гетерогенности чувашского этноса, а стремится на конкретных примерах показать, что этнокультурные различия существуют не только между этнографическими группами, но и внутри них — между подгруппами. Для демонстрации этих различий автор использует обширный массив объективных данных, почерпнутых из чувашской диалектологии, традиционного костюма и свадебной обрядности. К решению этой невероятно сложной задачи исследователь подошел с присущей ему скрупулезностью и внимательностью. Обобщив все имеющиеся данные, он убедительно доказал, что языковые и этнокультурные различия между подгруппами чувашского народа являются исторически сложившимся фактом, который заслуживает глубокого научного изучения, анализа и обобщения. С поставленной задачей автор справился сполна. На мой взгляд, этому способствовали безупречное владение автором исследовательским материалом, высокая научная квалификация и огромный опыт непосредственной работы в этнографическом поле.

В заключении автор сформулировал основные выводы и предложения. Они представляют особый интерес, так как в них исследователь обозначил актуальные и еще не до конца решенные научные проблемы, связанные с темой научного доклада. Эти предложения можно рассматривать как своеобразный «манифест», обращенный к научному сообществу. В нем автор предлагает конкретные направления для дальнейшего развития обозначенной

проблемы: 1. Дальнейшее и более глубокое изучение специфических особенностей языка и культуры в рамках этнографических комплексов; 2. Картографирование этнокультурных параметров этнографических групп и подгрупп; 3. Расширение сбора полевых материалов по обрядовой культуре; 4. Сравнительное изучение чувашских костюмных комплексов и их трансформаций в рамках подгрупп; 5. Сравнение и анализ этнокультурных комплексов северной подгруппы низовых чувашей и моркинской группы луговых марийцев, чувашей и татар-кряшен, чувашей и удмуртов и т. д. По мнению автора, результатом этих исследований должен стать создание обобщающей монографии по данной теме.

В заключение хотелось бы поделиться несколькими замечаниями, которые возникли в процессе ознакомления с рецензируемой работой. Очевидно, что в рамках научного доклада невозможно охватить все аспекты рассматриваемой проблемы. Поэтому эти замечания не носят критического характера, а скорее представляют собой пожелания или рекомендации, которые можно учесть в будущем.

1. В начале исследования хотя бы в общих чертах не помешало бы показать, как данная проблема изучалась в советской и российской этнологии.

2. Чтобы лучше понять особенности различных групп чувашского народа, было бы полезно проанализировать результаты исследований, которые получены чувашскими музыковедами и фольклористами.

В целом исследование, проведенное Г. Б. Матвеевым, представляет собой завершённый и глубоко проработанный научный труд. Автор не только подтвердил и доказал многокомпонентность чувашского этноса, но и выявил глубокую взаимосвязь и обусловленность формирования этнографических групп и подгрупп с этнической историей чувашского народа. Кроме того, в работе представлен глубокий и комплексный анализ языковых и этнокультурных особенностей как этнографических групп, так и находящихся в их составе подгрупп.

Положения и выводы автора корректны и глубоко аргументированы. В результате проведенного исследования в научный оборот введен обширный теоретический и фактический материал, что позволило автору продемонстрировать глубокое понимание избранной темы.

Статья поступила в редакцию 15.02.2025, принята к публикации 20.02.2025;
the article was submitted 15.02.2025, accepted for publication 20.02.2025;
статья редакции 15.02.2025 ситнĕ; пичетлеме 20.02.2025 йышăннă

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал сыравăн юлашки вариантне вуласа тухнă тата ырланă

* * *

Рец. на научный доклад: Матвеев Г. Б. Подгруппы в составе этнографических групп чувашей: формирование и картографирование / науч. ред. Д. В. Егоров. — Чебоксары: ЧГИГН, 2024. — 68 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 39).

Е. А. Ягафова,
заведующий кафедрой философии,
истории и теории мировой культуры Самарского государственного
социально-педагогического университета, доктор исторических наук,
г. Самара, Россия
ORCID: 0000-0002-2784-8090, yagafova@yandex.ru

The review on the scientific report: Matveev G. B. The subgroups within ethnographic groups of the Chuvash: formation and areal coverage / scientific ed. D. V. Egorov. — Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2025. — 68 p. (Scientific reports; Vol. 39).

E. A. Yagafova,
head of the department of philosophy, history and theory of world culture,
Samara State Socio-Pedagogical University,
doctor of Historical Sciences, professor,
Samara, Russia
ORCID: 0000-0002-2784-8090, yagafova@yandex.ru

Аслăлăх докладĕ: рец.: Матвеев Г. Б. Чăваш этнографи ушкăнĕсен йышĕнчи сума ушкăнсем: йĕркеленĕ тата картографилени / аслăлăх ред. Д. В. Егоров. — Шупашкар: ЧПГАИ, 2025. — 68 с. (Аслăлăх докладĕсем / ЧПГАИ; 39-мĕш кăларăм).

Е. А. Ягафова,

Самар патшалăх социопедагогика университетĕн
философи, истори тата тĕнче культури теорийĕн кафедрин ертÿси,
истори аслăлăхĕсен докторĕ, профессор,
Самар хули, Раççей,
ORCID: 0000-0002-2784-8090, yagafova@yandex.ru

© Ягафова Е. А., 2025

Несмотря на длительное и разностороннее изучение представленной темы специалистами (языковедами, этнологами), проблема этнографической дифференциации чувашского народа, характеристика его этнографической структуры остаются актуальной темой научных исследований, в чем нас убеждает и обращение к ней Г. Б. Матвеева в своем докладе на тему «Подгруппы в составе этнографических групп чувашей: формирование и картографирование».

Актуальность этой темы обусловлена тем, что ряд ее аспектов слабо или вовсе не изучены, по другим существуют неоднозначные трактовки, а третьи вызывают вопросы вследствие ограниченности источниковой базы. Автором проанализирован значительный объем информации, позволивший ему обобщить имеющийся на данный момент опыт исследования этнографических групп и подгрупп чувашей, их культурно-языковых особенностей, истории формирования и локализации в пространстве. В соответствии с принятыми критериями этнографической дифференциации Г. Б. Матвеев последовательно рассмотрел языковые диалекты и говоры, особенности традиционного костюма, свадебной обрядности верховых, средненизовых и низовых чувашей и входящих в них подгрупп — четырех в составе верховых чувашей, трех — в средненизовой и еще трех — в низовой группе. Материал систематизирован, логично выстроен, содержательно отражает существующие сегодня в науке представления о предмете исследования. Он представлен в докладе преимущественно в историографическом ключе: текст содержит анализ научной литературы, характеризующий процесс формирования этнографических групп и подгрупп и раскрывающий их культурно-языковую специфику. Собственные полевые материалы автора по локальным группам *анат енчи* и *анатри* и архивные данные носят уточняющий характер. Вместе с тем некоторые факты, выявленные Г. Б. Матвеевым в ходе обобщения источниковой базы, представляются весьма интересными: например, сведения о количестве селений по этнографическим группам в первой четверти XVIII в. (с. 15).

Собственно анализ существующих мнений, точек зрения, гипотез и суждений по проблеме этнографической дифференциации чувашей был проведен мной в монографии «Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII — начало XX в.)» (Чебоксары: ЧГИГН, 2007) в главе 1 «Типологические особенности языка и традиционной культуры генетических этнографических групп чувашей (верховая, средненизовая и низовая группы), с. 32 — 173»; здесь же была рассмотрена типология культурно-языковых комплексов этнографических групп и подгрупп с привлечением данных языкознания (диалектологии), этнографического материала по женскому костюму, брачной и календарной обрядности, данных о музыкальных диалектах чувашей. Доклад Г. Б. Матвеева в целом не противоречит результатам моего исследования, а в основных позициях и выводах опирается на них. Некоторые расхождения имеются в дифференциации низовой группы: автор выделяет 3 подгруппы (северная, подлесная и степная; в моем исследовании их насчитывается 4 вместе с присвияжской подгруппой, обладающей спецификой свадебной (особый комплекс) и календарной обрядности. Вместе с тем на материалах костюма эту дифференциацию провести сложнее, что, вероятно, убедило докладчика придерживаться устоявшейся точки зрения.

Г. Б. Матвеев уделяет значительное внимание вопросу локализации групп и подгрупп и картографированию имеющегося материала. В работе представлены карты чувашских

диалектов и говоров, ареалов этнографических групп и подгрупп. Обращение к этому методу в рамках темы вполне оправдано, поскольку он позволяет продемонстрировать особенности территориального размещения групп/подгрупп и обозначить проблему расхождения изолиний, разделяющих их ареалы по разным дифференцирующим признакам (язык/костюм и т. д.).

В целом доклад может быть положительно оценен с точки зрения объема привлеченных источников и литературы, историографического и источниковедческого изучения темы. Вместе с тем работа не лишена недостатков.

Во-первых, анализ материала ограничен в типологической характеристике указанными выше критериями (язык, костюм, свадьба); за пределами доклада остались данные музыкальной диалектологии, сведения о календарной обрядности, уже разработанные учеными (М. Г. Кондратьев, А. А. Осипов, Е. А. Ягафова). Такая избирательность при анализе материала в научном исследовании вряд ли может быть оправдана ограничениями в объеме, на которые ссылается автор (с. 23). Ведь его результат и научная новизна зависят от полноты источниковой базы и всестороннего охвата различных аспектов темы. В докладе, к сожалению, не представлен новый материал, способный развенчать существующие концепции структуры чувашского этноса и/или внести в них существенные коррективы. Возможно, докладчику следовало, не углубляясь в фактические нюансы языка или этнографии групп и подгрупп, уже представленные в других исследованиях, сосредоточить внимание на комплексном анализе материала, его теоретическом обобщении или же разработать совершенно новый раздел в чувашской культурной диалектологии по данным родинной или похоронно-поминальной обрядности. Последние я рассматриваю как перспективные в данном направлении чувашской этнографии.

Во-вторых, название доклада сформулировано не совсем корректно. Использованное в нем слово «картографирование» означает метод, описывающий исследовательскую процедуру, поэтому, на мой взгляд, оно не может быть употреблено в одном ряду перечислений со словом «формирование», обозначающим процесс сложения, развития этнографических групп/подгрупп. Более подходящими вариантами для названия вместо слова «картографирование» были бы слова «локализация» или «ареалы». Автору, возможно, стоило отказаться от использования в обозначении локальных групп чувашей названий крупных административных центров (например, «симбирская территориальная группа», с. 21); формирование групп и подгрупп было связано с процессом их расселения в бассейнах рек / по кустам селений, что оправдывает использование гидронимов (например, аниш-цивильская) или же названий поселенческих групп (рунгинская); разумеется, допустимы названия по географическим объектам и сторонам света. В тексте встречаются и другие неудачные выражения: например, на с. 5 «Формирование подгрупп... происходило под влиянием таксонов...»; уместнее было бы указать на «факторы»; на с. 50 упоминаются некие «диалектологические» (?) группы.

Однако, несмотря на указанные недостатки, я рассматриваю работу Георгия Борисовича как продуктивный пример обобщения информации на данном временном отрезке, как платформу для поиска новых исследовательских подходов к изучению темы. Такие перспективы очевидны, на мой взгляд, в направлении сопоставления этнографического и археологического материала, изучения антропологических данных групп и подгрупп, углубления этнографических исследований в проблему типологии обрядовых комплексов на основе выявленных в поле новых данных и т. д. Поддерживаю предложения автора по продолжению изучению народного костюма, типологических признаков в обрядности, истории формирования языковых диалектов и др.

Статья поступила в редакцию 16.02.2025, принята к публикации 22.02.2025;
the article was submitted 16.02.2025, accepted for publication 22.02.2025;
статья редакции 16.02.2025 ситнѐ; пичетлеме 22.02.2025 йышӑнӑ

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал сыравӑн юлашки вариантне вуласа тухӑӑ тата ырланӑ